

Емтыль Зарема Январбиевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и социальных коммуникаций
Кубанского государственного технологического университета
adg1070@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ СТАРОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (1917–20-Е ГГ. XX В.)

Аннотация:

В статье анализируется политика советской власти в отношении интеллигенции в первое послереволюционное десятилетие. Показана ее взаимосвязь с политической и социально-экономической ситуацией в советской республике, а также с кадровыми и идеологическими запросами новой власти.

Ключевые слова: социалистическое строительство, программа, демократия, буржуазные специалисты, интеллигенция, старая интеллигенция, партийная чистка.

Проблема «Интеллигенция и власть» традиционно привлекает широкое исследовательское внимание. Особенную значимость разработка данной темы приобретает в контексте революционных преобразований в России 1917 г., предопределивших характер, содержание развития данной социокультурной группы и в значительной степени ее современный облик.

Приход к власти большевиков в результате Октябрьского переворота 1917 г. потребовал выработки политики в отношении всех слоев российского общества. Предметом особого внимания с первых дней существования советской власти стала интеллигенция. С самого начала четко обозначались некоторые системообразующие элементы.

В основе политики большевиков лежало своеобразное восприятие интеллигенции как явления. Лидеры большевиков исходили из социально-классового критерия, рассматривая интеллигенцию как «прослойку» с неопределенными экономическими интересами и политическими позициями, занимающую подчиненное положение по отношению к ведущим классам общества.

Подобное отношение к интеллигенции нашло отражение на VIII съезде РКП(б) в «Докладе о партийной программе» В.И. Ленина. В нем он отмечал, что эти «культурные деятели, которые в буржуазном обществе служили буржуазии... в пролетарском обществе будут служить нам» [1, т. 38, с. 167-168]. В последующем И.В. Сталин развил это положение, выдвинув тезис о том, что «ни один господствующий класс не обходится без своей собственной интеллигенции» [2, т. 13, с. 67].

Интеллигенция при этом определялась на основе достаточно четких и общественно значимых параметров: работа на профессиональной основе, связанная со сложным умственным трудом в сфере материального и духовного производства, наличие специальной квалификационной сертификации [3, с. 52]. В.И. Ленин относил к интеллигенции «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда... в отличие от представителей физического труда» [4, т. 8, с. 309].

Эти оценки, по сути, не предполагали рассмотрение интеллигенции в качестве активного субъекта политического действия. Новой советской власти не нужны были теоретики-идеологи, «критики действительности и предсказатели какого-либо иного будущего» помимо того, которое было определено партийной доктриной [5, с. 52]. При этом В.И. Ленин с иронией определил типичные свойства интеллигенции как «махание картонным мечом», «швыряние звонкими фразами» [6, т. 36, с. 200]. С ними, по его мнению, «организованные пролетарии-коммунисты» должны непримиримо бороться [6, т. 36, с. 290-291].

Исходя из данного понимания интеллигенции, лидеры большевиков с явным недоверием относились к российской интеллигенции, доставшейся в наследство от прежнего строя, считая ее порождением капитализма, «сынками барского и буржуазного общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом...» [7, т. 35, с. 200]. Они считали, что «по сути своей интеллигенция мелкобуржуазна в массе» [8, т. 1, с. 75] и в большинстве своем неизбежно пропитана буржуазным мировоззрением и навыками [9, т. 2, с. 85].

Подобное отношение усиливалось осуждением со стороны основной части интеллигенции захвата власти большевиками, обусловивший отказа от сотрудничества с ними. В «Обращении ко всем учащим» народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского от 15 ноября 1917 г. открыто прозвучало обвинение интеллигенции в том, что она с ненавистью встретила «героическую попытку пролетариата на краю гибели создать сильную, глубоко народную власть... Она не только отказывает ему в помощи, но и радуется каждому разговору против него... С отравленным злорадством констатирует она слабость штаба обездоленного класса... Она вместе с Милюковым готова предпочесть поражение продолжению великой народной революции...» [8, т. 1, с. 74].

Нежелание сотрудничать с советской властью было расценено как «безобразный бунт интеллигенции против трудового народа» [8, т. 1, с. 76], саботаж, который необходимо было сломить [9, т. 2, с. 85]. Пытаясь дискредитировать позицию, занятую интеллигенцией, и показать ее антинародную сущность, В.И. Ленин своеобразно представлял логику рассуждений интеллигенции: «Мы были всегда организаторами и начальниками, мы командовали... мы не станем слушаться «простонародья», рабочих и крестьян, мы не подчинимся им, мы превратим знание в оружие защиты привилегий денежного мешка и господства капитала над народом» [7, т. 35, с. 197].

Вместе с тем большевики отдавали себе отчет в том, что интеллигенция является носительницей особых функций общества, служительницей и органом «общественного познания чувства» [8, т. 1, с. 76], что «союз с нею и совместная работа неизбежны» [10, с. 25], что «задача развития производительных сил требует немедленного и всестороннего использования» оставленных «в наследство капитализмом специалистов науки и техники» [9, т. 2, с. 85] и что «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен» [11, т. 36, с. 178].

Подобное двойственное отношение к интеллигенции обусловило и двойственность политики в отношении к ней. С одной стороны, в первый год пребывания у власти большевики прибегали к мерам жесткой борьбы с интеллигенцией, вызванной ее саботажем, с другой – в публичных обращениях к интеллигенции призывают ее идти на помощь трудовому народу. «Народ зовет вас работать вместе, – говорилось в обращении народного комиссара по просвещению А.В.Луначарского от 15 ноября 1917 г., – он будет делать свое дело с верными своими сотрудниками и добровольческими силами» [8, т. 1, с. 76].

Уже к весне 1918 г. воинствующие интонации начинают сменяться более взвешенной оценкой ситуации. В.И. Ленин все больше настаивает на необходимости привлечения на сторону советской власти «мелкобуржуазных слоев», к которым относилась и интеллигенция. Он обращает внимание на то, что в сложившихся исторических обстоятельствах «нелепо и смешно было бы настаивать на одной тактике подавления и террора по отношению к мелкобуржуазной демократии...» [12, т. 37, с. 195].

К середине 1918 г. вопрос об отношении к интеллигенции становится предметом серьезных разногласий в партийной среде [1, т. 38, с. 165]. Задачи социалистического переустройства общества все отчетливее требовали от новой власти выработки более четкой политики в отношении интеллигенции.

В результате этот вопрос стал предметом серьезного обсуждения на VIII съезде РКП (б). По настоятельному требованию В.И. Ленина съезд должен был решить его с полной определенностью, как наиболее важный «для переходного периода от капитализма к коммунизму» [1, т. 38, с. 166]. В своем докладе о партийной программе В.И. Ленин подчеркивал, что перво-

очередной задачей является, «поднятие» производительных сил, не ожидая поддержки от других стран. «Сделать это без буржуазных специалистов никак нельзя. Это надо раз и навсегда сказать» [1, т. 38, с. 166].

В то же время он признавал, что проводимая политика в отношении интеллигенции не дала сколько-нибудь значимых результатов: она способна была «устрашить» интеллигенцию и заставить ее не участвовать активно в контрреволюции, однако заставить работать «таким способом не представлялось возможным» [1, т. 38, с. 167].

Руководствуясь совокупностью сложившихся обстоятельств, принятая съездом программа определяла основные направления политики новой власти в отношении интеллигенции. Она состояла в том, чтобы, «с одной стороны, не давать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его ползновение, а с другой – так же беспощадно бороться с мниморадикальным, на самом деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними» [8, т. 1, с. 85]. В целом съезд высказался за широкое привлечение буржуазной интеллигенции к сотрудничеству.

Особый интерес для понимания сложившейся ситуации представляет изложенный в программе партии вопрос о средствах вовлечения интеллигенции в социалистическое строительство. Так, была признана необходимость «ставить буржуазных специалистов в атмосферу товарищеского общего труда, рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда» [8, т. 1, с. 86].

Уточняя данное положение партийной программы, В.И. Ленин в своем «Докладе о партийной программе» был более конкретен и пояснил, что подразумевала атмосфера товарищеского сотрудничества. Он указал, что буржуазных специалистов необходимо окружить «рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться...» [1, т. 38, с. 166]. Несколько месяцев спустя в условиях обострившихся политических противоречий В.И. Ленин отметил важность усиления надзора за средой буржуазной интеллигенции, так как контрреволюционные поползновения в ее стороны абсолютно неизбежны как в настоящий момент, так и в ближайшем будущем [13, т. 39, с. 56].

Большевики понимали, что подчинение интеллигенции пролетарскому государству и руководству, победа в них буржуазных привычек и традиций является поистине гигантской задачей и требует времени [14, т. 41, с. 103-104]. Большое значение приобретал вопрос об оплате труда интеллигенции. По настоянию В.И. Ленина в партийной программе было закреплено положение, согласно которому, признавалась необходимость «сохранить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для этой цели нельзя отказываться от системы премий за наиболее успешную и особенно организаторскую работу» [8, т. 1, с. 86].

Данное средство привлечение интеллигенции на сторону советской власти вызвало наиболее острые дискуссии в партийной среде, так как являлось отступлением от принципов Парижской Коммуны и пролетарской власти, требовавших равенства вознаграждения за всякий труд и сведения его к уровню средней оплаты труда рабочего. В.И. Ленин соглашаясь с тем, что данная мера есть не только «приостановка наступления на капитал», но и в известной степени шаг назад, отмечал, что настоящая полоса развития своеобразна, и, «чтобы победить капитал до конца, надо уметь приспособить формы нашей борьбы к своеобразным условиям этой полосы» [11, т. 36, с. 179-180].

В сложившихся условиях буржуазные специалисты, по его мнению, могли быть использованы по-старому, по-буржуазному (то есть за высокую заработную плату) в силу значительно «опоздания» с учетом и контролем «снизу» за производством и распределением продуктов. «Это будет лучшая политика, это будет самое экономичное хозяйничание, – подчеркивал В.И.

Ленин. – Иначе мы, сэкономив несколько сот миллионов, можем потерять столько, что никакие миллиарды не восстановят потерянного» [1, т. 38, с. 168].

Такая мера, безусловно, носила временный характер [11, т. 36, с. 181], была компромиссом со стороны пролетарского государства. Решения, принятые в отношении интеллигенции, имели, как справедливо считало политическое руководство, большое практическое значение [11, т. 36, с. 151–152]. Они определили деятельность в этом направлении местных органов власти, которые, несомненно, ими «руководствовались» и весьма активно принялись за «советизацию» и воспитание старой интеллигенции, стремясь распространить на нее «массовое пролетарское влияние» и сближение «разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда».

Не смотря на данные VIII и X съездами ВКП(б) установки в отношении старой интеллигенции, в высшей партийной среде по-прежнему продолжались дискуссии об интеллигенции, определившие в последующем политику советского государства в отношении данной группы. В частности, Н.И. Бухарин разделял распространенную в партийной среде точку зрения, согласно которой мелкобуржуазная природа интеллигенции определяла ее апатичное отношение к идеям революции и к Советской власти, призвав осудить равнодушие интеллигенции к идеям коммунизма [15, с. 44].

В целом недоверие к интеллигенции предопределило стремление властей ограничить ее доступ в партийные ряды. XI съезд РКП(б) принял решение изменить партийный устав в части порядка приема в партию, чтобы затруднить вступление в партию «не чисто пролетарским элементам». При приеме в партию устанавливались три категории: рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян; крестьяне (кроме красноармейцев) и кустари; прочие (служащие и т.д.). Для последней категории условия приема в партию были значительно усложнены [16, т. 2, с. 504]. Понятно, что под третьей категорией подразумевалась, главным образом, интеллигенция.

Говоря о формировании политики советской власти в отношении интеллигенции, следует отметить, что ее содержание менялось под влиянием менявшихся социально-политических и социально-экономических обстоятельств. В конце 20-х гг. власти начинают открытое наступление на нее и вытеснение из всех сфер общественной жизни. В условиях решительной борьбы с капиталистическими элементами, форсированного строительства социализма советская власть стремилась установить тотальный контроль за всеми сферами общественной жизни. Интеллигенция как никогда должна была быть приобщена «к задачам социалистического переустройства» [17, с. 40].

Если раньше власти подходили к старой интеллигенции с двумя основными требованиями: чтобы она добросовестно вела свою работу и была лояльна к советской власти, то после XV съезда партии такая установка являлась уже недостаточно. Культурная жизнь все больше стала пропитываться политикой. Мероприятия советской власти требовали от каждого интеллигента «определенно ответить – за кого он» [18, с. 36]. В частности, В. Молотов, выступая на областной Московской конференции, отметил: «Вопрос о выборе пути, вопрос о присоединении к армии строителей социализма или связывание своей судьбы с остатками гибнущих классов встает теперь перед каждым...интеллигентом с небывалой остротой». Промежуточная позиция, «то есть пребывание в гнилом мелкобуржуазном болоте», теперь считалась невозможным [17, с. 42].

Расчеты советской власти на интеллигенцию оправдывались недостаточно. Она «гораздо медленнее и меньше, чем нужно, вовлекалась в социалистическое переустройство» [18, с. 37]. «Основная толща интеллигенции», по мнению большевиков, явно отставала «от потребностей политической и хозяйственной обстановки». Предметом серьезного беспокойства стала «медленность выделения из всей массы интеллигенции того актива, который, усваивая политику партии, целиком и полностью поддерживает ее мероприятия, энергично участвует в их проведении» [18, с. 37].

Представители старой интеллигенции «мелкобуржуазной по своей природе» не были в представлениях властей социально благонадежными. И.В. Сталин был убежден, что «новая обстановка должна была создать и действительно создала новые настроения среди старой ин-

теллигенции» [18, с. 37]. Сворачивание новой экономической политики, наступление на капиталистические элементы в городе и деревне, «конечно же, не может радовать старую интеллигенцию», которая «все еще выражает соболезнование своим разбитым друзьям» [2, с. 69-70].

Безусловно, идейно-политическая неблагонадежность интеллигенции, которая с особой силой могла проявиться в менявшихся социально-экономических обстоятельствах сыграли решающую роль в наступлении властей на старую интеллигенцию, вытеснении ее из всех сфер общественной жизни. Наряду с этим следует отметить и еще одно важное обстоятельство. К концу 20-х гг. советское государство получило первые кадры пролетарской интеллигенции, абсолютно преданной классовым интересам трудового народа и готовой воплощать в жизнь поставленные партией задачи.

Теперь советское государство не было столь обременено необходимостью поиска компромиссов со старыми профессиональными кадрами. Пока советский режим был еще слаб, он пользовался услугами старой интеллигенции. С укреплением власти они оказались лишними [19, с. 37]. Старая интеллигенция стала, в лучшем случае, обвиняться в формальном отношении к политике партии, избегании вопросов классовой сущности, «отлынивании» от классовой борьбы [18, с. 37], а в худшем – открыто обвиняться в антисоветской деятельности, вредительстве [2, т. 13, с. 69-70].

Подавляющее большинство представителей старой интеллигенции в конце 20-х – 30-е гг. были подвергнуты репрессиям как «приспешники» буржуазных националистов и национал-уклонисты. Чистка началась с партийного аппарата. Ноябрьский Пленум 1928 г., а вслед за ним шестнадцатая конференция ВКП(б) приняли решение о самой решительной чистке «от социально чуждых», «примазавшихся», «буржуазно-мещанских» элементов, «элементов нерабочего состава, которые... не имели непосредственной связи с рабочими и крестьянскими массами» [16, т. 2, с. 392-393, 485]. Эти решения в первую очередь были направлены против дальнейшего пребывания в рядах партии представителей старой интеллигенции.

Анализ политики советской власти в отношении интеллигенции позволяет говорить о том, что она носила дифференцированный характер и претерпевала изменения под влиянием менявшейся общественно-политической, экономической и социокультурной обстановки в Советском государстве. Однако принципиальная позиция советской власти в отношении интеллигенции определялась своеобразным восприятием интеллигенции как общественной прослойки, предназначение которой заключалось в обслуживании пропагандистских и профессионально-кадровых запросов Советского государства. Данный подход определил направленность и содержание изменений данной социокультурной группы и политику новой власти в ее отношении.

Действия новой власти в отношении интеллигенции зачастую были непоследовательны и противоречивы. От политики привлечения старых специалистов к процессу социалистического строительства в первые послереволюционные годы, вызванной необходимостью развития производительных сил страны, советское политическое руководство к концу 20-х гг. переходит к практически насильственному вытеснению старой интеллигенции из всех сфер производственной и культурной деятельности и замене ее новой пролетарской интеллигенцией. В результате происходило сужение функционального поля интеллигенции, нарушение процесса ее самовоспроизводства и как следствие преемственности между старой и новой интеллигенцией.

Ссылки:

1. Ленин В.И. Доклад о партийной программе // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. 5-е. изд. М., 1967.
2. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства // И.В. Сталин. Сочинения. М., 1955.
3. Наумова Т.В. Интеллигенция и пути развития российского общества // Социс. 1995. № 3. С. 39-46.
4. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч.

5. Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 46-53.
6. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полн. собр. соч.
7. Ленин В.И. Как организовать соревнование // Полн. собр. соч.
8. Обращение народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского ко всем учащим // Культурное строительство в РСФСР 1917-1927. Т.1. Документы и материалы 1917-1920. М., 1983.
9. Восьмой съезд РКП (б). Программа партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2. 1917-1922.
10. Луначарский А.В. Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве // Революция и культура. 1927. № 1. С. 24-28.
11. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч.
12. Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сороки // Полн. собр. соч.
13. Ленин В.И. Все на борьбу с Деникиным // Полн. собр. соч.
14. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч.
15. Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллигенции как способ ее самоидентификации // Политические исследования. 2008. № 3. С. 40-49.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983.
17. Сегаль А. Интеллигенция в реконструктивный период // Революция и культура. 1929. № 22. С. 40-45.
18. Мещеряков В. Проблема сельской интеллигенции // Революция и культура. 1928. № 23–24. С. 34-41.
19. Мамсиров Х.Б. О месте северокавказской интеллигенции в культурно-модернизационных процессах 20-х гг. XXв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 3. С. 38-43.
20. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М., 1984.